

Но Цин Янь даже не делал попытки войти. Его лицо озаряла улыбка, а в руках он держал плетеную корзину. С легким поклоном он подал ее Чжан Цзюй и сказал:

- У меня дома еще дела, не могу задерживаться. Это вещи, которые Лю Сян забыл вчера в нашей кузнице. Я возвращался оттуда, вот и решил заодно занести.

Чжан Цзюй замерла на мгновение, ошеломленная услышанным, но быстро пришла в себя. Ее глаза хитро блеснули, а руки она спрятала за спину, отказываясь взять корзину, на лице заиграла саркастическая улыбка, и голос ее зазвучал холодно и язвительно:

- А ведь наш Сян-эр честно признался нам, родителям, что это вовсе не забытые вещи. Это он принес...

Но договорить она не успела. Цин Янь неожиданно перебил ее, повысив голос и обратившись:

- Лю-дасао*!

(ПП: дословно это «невестка семьи Лю»)

Слова повисли в воздухе, а на лице Чжан Цзюй появилась напряженность. Ее губы поджались, а взгляд стал колким. Она с вызовом произнесла:

- Послушай, Юй Цин Янь, может, ты сначала научишься следить за своим мужем...

- Лю-дасао! - снова громко, но с неизменной улыбкой перебил ее Цин Янь. Его выражение оставалось доброжелательным, будто он был просто вежливым соседом, затеявшим светскую беседу.

Тем временем из соседних домов начали выглядывать любопытные. Цин Янь оглянулся по сторонам, заметив несколько заинтересованных взглядов.

Чжан Цзюй тоже обернулась, но в отличие от Цин Яня ее это не смутило. Напротив, ее лицо просияло победной решимостью: чем больше людей, тем громче она собиралась говорить. Пусть слухи разносятся, пусть ситуация выйдет из-под контроля, и тогда никакие слова этого Юя не смогут ее остановить.

Она уже набрала воздух в грудь, чтобы во весь голос рассказать о вчерашнем происшествии, но Цин Янь снова ее опередил. Его голос был ровным, но достаточно громким, чтобы все услышали:

- Вчера, когда Лю Сян заходил, моего мужа не было в кузнице. Он помогал нашей третьей семье с хозяйством. В кузнице остался только ученик, он еще молод, неопытен. Вот кто-то и

оставил вещи, а он не догадался их вернуть. Простите, Лю-дасао, если что-то пропало, проверьте, все ли на месте?

Чжан Цзюй едва успела вдохнуть, как ее слова застряли где-то в горле. Ее лицо пошло пятнами, краснея от смущения и злости. Она пробормотала:

- Как это... не было... Но ведь Сян-эр мне ясно сказал...

Цин Янь чуть приподнял брови, но его улыбка осталась неизменной. Он добавил с подчеркнутой настойчивостью:

- Лю-дасао, соседи все слышат. Следите за словами.

Чжан Цзюй нахмурилась, ее взгляд наполнился упрямством, но слов найти она так и не смогла.

Цин Янь спокойно продолжил:

— Ученик в нашей кузнице еще совсем молодой, ему всего шестнадцать лет. У него много братьев и сестер, семья не богатая, но родители и старшие всегда его баловали. Парень честный, вот даже сегодня спрашивал, не пойти ли ему вместе со мной сюда, чтобы все разъяснить с Лю Сяном. Если вы, Лю-дасао, считаете, что так будет лучше, я могу позвать его?

Слова звучали спокойно, но их скрытый подтекст был очевиден. Чжан Цзюй быстро сообразила, о чем речь, и почувствовала, как холодный пот выступил у нее на лбу.

Может, Лю Сян действительно ошибся вчера? Вспомнив, что сын рассказывал о человеке в кузнице, она поняла, что описание не совпадает с ее собственными впечатлениями: тот человек казался менее сдержанным и вовсе не таким отстраненным, как она ожидала.

Если это действительно ошибка, и она устроит скандал, то ради спасения репутации Лю Сяну, возможно, придется выйти за этого бедного ученика. А ведь они с Лю Юфу так надеялись воспользоваться удачным браком сына, чтобы обеспечить себе беззаботную жизнь. Даже если с кузнецом дело не выгорит, всегда можно найти кого-то подходящего в городке или округе. Но ученик? С ним никаких перспектив.

Эта мысль заставила ее похолодеть. Голова закружилась, и она поспешила сказать:

— Не надо, не надо! В этой корзине все на месте, отдай ее мне.

Цин Янь протянул корзину, и Чжан Цзюй торопливо ее схватила.

Он улыбнулся и громко, чтобы все соседи слышали, спросил:

— Уверены? Все цело?

— Да, да, все на месте! — поспешно подтвердила она.

Цин Янь не спешил уходить:

— А вчера Лю Сян пришел за кузнечным делом, верно?

Чжан Цзюй мгновенно кивнула:

— Верно! Наш железный котел прохудился, я и отправила его в кузницу, чтобы сделали новый.

Цин Янь улыбнулся и, словно ставя точку в разговоре, сказал:

— Отлично, все выяснили. Не смею вас больше задерживать, пойду дальше.

— Ах, да, да! — засуетилась Чжан Цзюй, а Лю Юфу с натянутой улыбкой проговорил:

— Заглядывай к нам, как будет время!

Цин Янь улыбнулся, коротко поклонился и неспешно ушел. Но когда он уже прошел порядочное расстояние, до него донеслись выкрики Чжан Цзюй:

— Это что еще за бесполезные куры сюда заявляются! Ни яиц, ни толку — только место занимает!

Цин Янь остановился, раздумывая, стоит ли вернуться.

В этот момент вмешалась одна из соседок:

— А это кто ж такой без стыда и совести, гнилой мусор у чужого порога вываливает, да еще думает, что всех обхитрит!

Чжан Цзюй, краснея от ярости, закричала:

— Ты на кого это намекаешь? Каким глазом видела, что это я?

Соседка ответила с насмешкой:

— Ну да, это не ты, это твоя собака притащила!

— Ты... я сейчас тебе язык вырву! — вскрикнула Чжан Цзюй.

— Давай, попробуй, только гляди, как я тебе пощечину отвешу за твою наглость! — соседка, судя по всему, была готова к стычке.

Цин Янь лишь покачал головой. Совсем недавно переехавшая Чжан Цзюй успела довести отношения с соседями до такого состояния, что их ссоры были почти неизбежны. Не желая тратить на это свое время, он развернулся и пошел дальше.

Вернувшись домой, он успел заняться хозяйством. В курятнике его встретили радостные крики кур, и он обнаружил в гнезде пять-шесть свежих яиц, еще теплых. Принеся их в дом, он аккуратно сложил в корзину, где уже набралось около трех-четырех десятков.

Цин Янь заботился о курочках с большим усердием: собирал для них дикорастущую зелень, смешивал ее с лепешками из соевого жмыха, а иногда водил их к реке, чтобы те могли полакомиться насекомыми. Когда на улице становилось холодно, он использовал оставшиеся в доме кости, измельчая их в соседнем доме на жерновах, и смешивал с зерном, найденным на убранных полях.

Куриные яйца, которые он получал, отличались насыщенным цветом: скорлупа — ярко-красноватая, а желтки — такие густые и золотистые, что, казалось, вот-вот начнут течь маслом. Жареные или вареные, они были неизменно вкусными и ароматными.

На кухне Цин Янь промыл и порезал последнюю квашеную капусту, подаренную тетужкой Ли. Она напомнила ему, что запас квашеной капусты закончился, и в ближайшие дни нужно обсудить с Цю Хэнянем поход на рынок за свежими осенними овощами. Тетя Ли обещала помочь ему научиться делать запасы на зиму.

Тем временем тесто, замешанное с утра, хорошо подошло. Цин Янь вытащил приготовленное заранее свиное сало, топленые шкварки и смешал их с капустой, добавив специи. Вкус и аромат начинки был настолько насыщенным, что дополнительного масла даже не потребовалось.

Он приготовил большую партию паровых пирожков с начинкой из шкварок и квашеной капусты, а также пожарил пять яиц с зеленым луком и сделал большую тарелку жареной картошки с сельдереем. Упаковав все это в корзину, Цин Янь отнес еду в кузницу.

Когда он пришел, хозяин кузницы с учеником как раз были заняты работой, не успев даже поесть. Увидев Цин Яня с корзиной, молодой ученик Сяо Чжуан буквально засиял от радости и

бросился к нему, чтобы помочь.

Однако воспоминания о недавней ошибке заставили его сдерживать эмоции. Радость светилась в верхней части лица, а губы плотно сжались, чтобы не выдать восторг. Такое выражение лица выглядело настолько комично, что Цин Янь не смог удержаться от смеха:

— Ты что, радуешься или нет? — спросил он, смеясь.

Сяо Чжуан почесал в затылке и смущенно пробормотал:

— Я не смею радоваться.

Цин Янь не удержался от смеха. Подражая привычному жесту Цю Хэняня, он слегка потрепал Сяо Чжуана по затылку и сказал:

— Давай, иди, помой руки и ставь стол, будем обедать.

Когда Цин Янь вошел в кузницу, работа у Цю Хэняня уже подходила к концу. Он отложил молот, накинул халат и отправился мыть руки.

Пока он мылся, взгляд его время от времени падал на супруга. Цин Янь заметил это, но нарочно не смотрел в его сторону и молча занимался тем, чтобы вместе с Сяо Чжуаном вынести и расставить еду на столе.

В мастерской было всего два стула, и Сяо Чжуан поспешил к соседям за дополнительным.

Цю Хэнянь подошел ближе, краем глаза наблюдая за Цин Янем, одновременно помогая ему расставлять блюда. Но, увидев, что Цин Янь продолжает его игнорировать, он слегка кашлянул, чтобы привлечь внимание, и неуверенно спросил:

— Ну как, все прошло гладко?

Цин Янь повернулся к нему, холодно взглянув прямо в глаза, а затем сердито посмотрел вниз, на его приоткрытую одежду, из-под которой виднелась крепкая грудь. Стараясь сохранять твердость в голосе, он заявил:

— Не думай, что если ты тут передо мной с оголенной грудью, я сразу забуду обо всем. Нет, я скажу тебе: в этом деле ты не виноват, но я все равно зол!

Цю Хэнянь, казалось, не обиделся. Он мягко коснулся его виска, приглаживая выбившийся локон, затем быстро огляделся, убедившись, что снаружи никого нет, и с лукавой улыбкой

спросил:

— А злой меня все еще поцелует?

Цин Янь, надутый от негодования, поднял голову и буркнул:

— Поцелует.

Сказав это, он встал на цыпочки, чмокнул Цю Хэняня в губы и с прежней досадой отвернулся.

В этот момент вернулся Сяо Чжуан с одолженными стульями. Они втроем уселись за стол, чтобы пообедать. Сяо Чжуан, чувствующий себя неловко в компании учителя и его супруга, старался брать только простые блюда, сосредоточившись на тарелке с картофельными полосками.

Цю Хэнянь заботливо положил немного жареных яиц в чашку Цин Яня, не забыв добавить их и для Сяо Чжуана. Сам же почти не притронулся к яйцам.

Через некоторое время на тарелке осталась последняя порция жареного яйца. Цин Янь ловко подцепил ее палочками и положил в чашку Цю Хэняню. Тот посмотрел на него, и, опуская глаза к своему блюду, съел яйцо с легкой, но заметной улыбкой на губах.

Булочки с начинкой из квашеной капусты и свиных шкварок были такими вкусными — с идеальным сочетанием кислого, соленого и насыщенного аромата, — что за обедом не осталось ни одного. Даже Сяо Чжуан, наевшийся до отвала, сидел с округлившимся животом, не в силах подняться.

После еды все дружно занялись уборкой: быстро вымыли посуду и привели кузницу в порядок. Цин Янь собрал корзину и отправился домой.

Но прошло всего около часа, как он вновь появился у кузницы. На этот раз он ничего не принес, а просто уселся у входа и подставил лицо солнцу. Время от времени он приветствовал прохожих и помогал, если кто-то заходил с делами.

Когда пришло время готовить ужин, Цин Янь поднялся, отряхнул полы халата, коротко попрощался и отправился домой.

Цю Хэнянь, закончив очередную работу, проводил его взглядом, стоя у двери кузницы. Он смотрел, пока его силуэт не скрылся за поворотом.

Вечером, когда Цю Хэнянь вернулся домой, они вместе сели за ужин. За столом он спросил:

— Завтра тоже придешь в кузницу?

Цин Янь кивнул:

— Пойду.

После ужина они убрали со стола. Цин Янь только повернулся, чтобы уйти, как оказался в крепких объятиях Цю Хэняня.

— Ты собираешься каждый день ходить в кузницу, чтобы следить за мной? — тихо спросил он, глядя на Цин Яня с мягкой улыбкой.

Глаза Цин Яня внезапно покраснели. Он опустил голову, стараясь совладать с чувствами, но, помолчав немного, все же заговорил:

— Ты даже не представляешь, как я испугался. Если бы вчера ты оказался в кузнице, эта ситуация могла закончиться совсем по-другому.

Цю Хэнянь крепче обнял его, вздохнул и поцеловал в лоб.

— Цин Янь, не бойся. Даже если бы я был там, я никогда бы тебя не подвел.

Цин Янь кивнул, его взгляд стал твердым.

— Я верю тебе.

С этими словами он прижался лицом к его шее, обретая успокоение.

Но спустя некоторое время Цю Хэнянь, чуть склоняясь к его уху, спросил с улыбкой:

— Завтра снова пойдешь в кузницу?

— Конечно, пойду, — без колебаний ответил Цин Янь.

Цю Хэнянь рассмеялся, поднял руку и слегка ущипнул его за щеку, с нежностью и теплотой добавив:

— Ах ты, маленький липкий пирожок.

<http://bllate.org/book/13590/1205217>